

туры, «Двѣточки», сборник анекдотов о Францискѣ, «Житіе трех спутников». В одних памятниках второго слоя кое-что затушено, — то, что Церкви во Францискѣ внушало подозрѣніе, в других — кое-что явно присочинено ревнителями памяти святого, по-своему его понимавшими. Наконец, очень многое просто заимствованно из житійной литературы вообще, — житійные шаблоны. Автор, между тѣм, пользуется всѣми этими матеріалами одинаково. Болѣе того: передавая эпизод о встрѣчѣ Франциска с брошенным им отцом, автор влагает в уста отцу слово «отцеубійца» — упрек, который на всю жизнь мучил святого; а в примѣчаніи оговаривается, что этого слова нѣтъ в легендѣ, и мотивирует эту свою «реставрацію» соображеніем, что «историку надо, чтобы выяснить внутренней смыслъ вѣдшихъ событій, довести в рисунокѣ до конца линіи, начатыя легендой». Миѣ кажется, напротив, что историк не должен позволять себѣ этого, т. к. идя этим путем, непременно попадешь в порочный круг.

С неразличеніемъ обоихъ подходов, реалистическаго и философско-историческаго, связано у автора и вообще опасное — и ненужное — психологизированіе, напр.: «втайнѣ, можетъ быть, нравилось Франциску... хотя он этого и сам не сознавал, что церковь такая старая...» Это только отвлекаетъ вниманіе читателя отъ того, что составляетъ основное содержаніе все-же весьма значительной по мысли книги Д. С. Мережковскаго. Излагать это содержаніе я не стану: во-первых, в библиографической замѣткѣ этого невозможно сдѣлать — не хватило-бы мѣста; во-вторых, если пересказывать «своими словами» мысль, видимо, выстраданную, неотдѣлимую отъ «чувства», выйдет не то. Такую книгу надо прочесть.

П. Бицилли

Georges Suarez. — Briand. — I. Le révolté circonspect. 1862-1904. — Plon. — Paris. 1938.

Жорж Сюзарез никак не «созвучен» Бриану и внутренне чуждъ всему его духовному облику и политическому дѣлу. Если тѣм не менѣе книга Сюзареза о Брианѣ представляетъ исключительный интерес и мѣстами читается в самом дѣлѣ как роман, причина не столько в авторѣ, сколько в его сюжетѣ: в личности Бриана, романическихъ и романтическихъ обстоятельствахъ его жизни, в исполненной историческаго значенія политической его карьерѣ, на протяженіи цѣлыхъ трехъ десятилѣтій текущаго столѣтія неизмѣнно связанной с судьбами Франціи.

Четырехтомная біографія Бриана написана в результатѣ исключительно счастливаго обстоятельства: племянникъ Бриана г. Бильо передалъ Сюзарезу безцѣнный клад, о самомъ существованіи коего, судя по стилю жизни и характеру Бриана, мало кто подозрѣвал. Оказалось, что Бриан в теченіе всей жизни очень тщательно подбирал и оберегалъ свой личный архив. В немъ нашлись конфиденціальные документы, относящіеся къ періоду войны и связанные с многочисленными правительствнами, в которыхъ Бриан принималъ участіе в качествѣ рядового члена или главы. Сохранилась огромная переписка, которую велъ Бриан с самыми выдающимися государственными и политическими

дѣтелями своего времени во Франціи и в других странах, с писателями («гидропатами»), художниками (Андрэ Жиль) и иными. Уцѣлѣли записныя книжки, в которыя Бріан изо - дня в день аккуратно заносил свои впечатлѣнія о фактах, которые — и факты, и впечатлѣнія — только теперь становятся извѣстными из этих карандашных записей. Свои записныя книжки и документы Бріан хранил в особом желѣзном ларцѣ и не разставался с ним даже во время путешествій. Среди документов сохранилась и интересная сводка источников дохода, которые существовали у Бріана в различные періоды его жизнедѣятельности: сводка относится ко времени окончанія міровой войны и должна была, очевидно, служить опроверженію клеветы и инсинуаціи, которыя неотступно слѣдовали за Бріаном из разных углов и в противоположных направленіях.

Неожиданно обнаруженный клад хотя бы частично восполняет пробѣл, который образовался от того, что, в отличіе от других государственных дѣателей, Бріан не оставил послѣ себя своего свидѣтельства о прожитой жизни — показанія в свою пользу. Уж на что презирал всѣх и вся Клемансо, однако, и тот кончил тѣм, что уступил традиціи и оставил потомкам защиту своего жизненнаго дѣла и собственную самозащиту.

Сюарэз рассказывает о жизни Бріана на фонѣ окружавшей его дѣтство и юность природы, среды, эпохи, политической обстановки. Біографія документирована, и только в порядкѣ литературнаго увлеченія автор — очень рѣдко — доходит до «ремансированія» рассказа: задает вопросы, которые, по мнѣнію автора, должны были пронестись в сознаніи Бріана, или истолковывает по своему впечатлѣнія двухлѣтняго Аристиды или слова и дѣйствія взрослого Бріана.

Сюжет книги настолько увлекателен, что автор не всегда удерживается от искушенія привести матеріал, не имѣющий к нему непосредственнаго отношенія. Портрет Бріана дан во весь рост и выписан со всѣми подробностями. Но иногда этот громадных размѣров портрет сбивается на историческое полотно, на котором фигуры Бріана вовсе не видать или она виднѣется лишь на заднем планѣ. Этот методологическій изъян понижает литературное достоинство — цѣльность — книги, но в то же время увеличивает ея общеисторической и политической вѣс и интерес.

Автор политически враждебен идеям и средѣ, в которых вращался и которыя владѣли Бріаном в описываемый в 1-ом томѣ період. Сюарэз не удержался от безжалостных характеристик не только таких дѣателей, как Себастіан Фор и Пелутье, но и Мильеран, Вивіани, Жорес, Вальдек, Руссо, Комб и др. Однако, логика повѣствованія и личность Бріана настолько покоряют даже Сюарэза, что для своего героя он находит смягчающія обстоятельства и оправданіе. Несмотря на проповѣдь им всеобщей стачки, увлеченіе анархо - синдикализмом, защиту пред судом, в качествѣ «революціоннаго адвоката», анти - милитариста Эрве и т. д. Автор доходит до утвержденія, что его «поражает исключительная послѣдовательность жизни (Бріана), кото-

рая из самых противорѣчивых контрастов сумѣла извлечь свои наиболѣе разительные итоги».

Это, конечно, — преувеличеніе. При всѣх политических превращеніях Бриана оставалась равна себѣ лишь его манера обращенія с союзниками и противниками, с товарищами по партіи и с коллегами по палатѣ или кабинету, с массами и их лидерами. Бриан знал магическую силу слова и свою способность ораторским даром, самым звуком своего бархатнаго голоса — «віолончели» — чаровать души и овладѣвать ими. Это оставалось постоянным у Бриана, но взгляды его и убѣжденія были величиной переменной — в зависимости и примѣнительно к обстоятельствам времени и образа дѣйствій.

Было бы большою ошибкой видѣть в Брианѣ только жизненнаго удачника, блестящаго и от природы щедро одареннаго оратора, дипломата, человѣка. В политической карьерѣ Бриача было не одно только благодатно - «моцартовское» начало. Бриан прошел и чрез нужду и мучительно - тяжелыя нравственныя испытанія и неудачи. В нем отчетливо проступает и «сальерьевское» начало — он был очень скромным и упорным труженником. Достаточно напомнить, что, несмотря на всѣ свои таланты и связи, в палату, украшеніем коей он справедливо считался в теченіе десятилѣтій, Бриан попал лишь к 40 годам послѣ трех неудачных избирательных кампаній. А от зависти мелких людей и клеветы противников он не избавился и до конца своих дней. Они преслѣдуют его и за гробом — и по сей день продолжают споры и борьба за и против правильности усвоенной Брианом линіи. Это придает биографіи Бриана характер злободневности.

М. Вишняк

Elizabeth Monroe. The Mediterranean in Politics. London, 1938. Oxford University Press. 259 pp.

Автор этой, весьма актуальной книги, г-жа Монро, рокфеллерская стипендіантка, обѣздила средиземноморскія страны и на мѣстах внимательно изучила связанныя с ними проблемы. Она пришла, при этом, к отрицанію правильности стараго англійскаго мнѣнія, по которому Средиземное море имѣет в англійской политикѣ не самостоятельное значеніе, а лишь значеніе «дороги куда-то»: с этой точки зрѣнія, значеніе Средиземнаго моря для Англій лишь относительное — продолжительность пути в Англію мимо мыса Доброй Надежды из Сиднея больше лишь на 10%, из Гонконга на 37% и из восточной Индіи на 51%, чѣм путь из этих пунктов в Англію через Суэцкій канал, и с развитіем техники кораблестроенія эти цифры и их значеніе будут все болѣе падать.

Значеніе Средиземнаго моря в англійской политикѣ опредѣляется торговыми интересами Англій (в одном Египтѣ эти интересы оцѣниваются в сумму болѣе 200 милліонов фунт. ст.), а равно тѣм, что позиція Англій в Средиземном морѣ обусловливает ея престиж в Египтѣ и на Ближнем и Дальнем Востока. Г-жа Монро не раздѣляет высказаннаго нѣкоторыми морскими экспертами мнѣнія, что в случаѣ войны Англія не должна активно защищать своих позицій в Средиземном морѣ, а должна ограничиться лишь тѣм, чтобы «закупорить» выходы из него.